

КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ XII–XIV ВВ. ИЗ ЭСКИ-КЕРМЕНА

Эльзара Айдеровна Хайрединова

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
khairedinovaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-757X>*

Аннотация. В научный оборот вводятся кольца и перстни, найденные на плато Эски-Кермен в ходе раскопок последних лет. Найденные в усадьбах и в погребениях из храмов в кварталах I и II перстни и кольца XII–XIII вв. – небогатые, выполненные из бронзы, простые в декоре украшения, относящиеся к изделиям византийского круга. Часто такие украшения носились взрослыми женщинами парой или набором из трех экземпляров. Украшения рук XIV в. представлены только перстнями, часть из которых можно отнести к изделиям византийского круга, часть – к продукции сельджукских мастеров. Преобладают дорогие, выполненные из серебра или золота украшения. Разница в ассортименте украшений XII–XIII вв. и XIV в. объясняется не только сменой моды, но и различием в социальной принадлежности жителей разных районов провинциального города. В кварталах I и II, откуда происходят только бронзовые украшения, в XII–XIII вв. жили рядовые горожане. На участке перед базиликой, в центре города, в XIV в. в плитовых могилах, где найдены серебряные и золотые перстни, хоронили представители богатых семейств. В XIV в. перстни были принадлежностью женского и детского уборов. Молодые женщины, 18–20 и 19–25 лет, носили перстни по одному – на безымянном пальце правой руки, женщины постарше, 30–35 лет, украшали левую руку набором из двух перстней, выполненных в едином стиле. Девочки носили только по одному перстню на среднем пальце левой руки. Специальных перстней для детей не существовало, для них переделывались украшения взрослых.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, город на плато Эски-Кермен, кольца, перстни

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

THE TWELFTH-FOURTEENTH-CENTURY FINGER-RINGS AND SIGNET-RINGS FROM ESKI-KERMEN

Elzara A. Khairedinova

Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

Abstract. This paper introduces into the scholarship finger-rings and signet-rings discovered on the plateau of Eski-Kermen during the excavations in recent years. The twelfth- and thirteenth-century finger- and signet-rings uncovered in the churches in quarters I and II were modest bronze ornaments

of featuring décor belonging to the group of Byzantine-circle artefacts. Adult women often wore a pair or a set of three pieces of the ornaments of the kind. The fourteenth-century hand ornaments comprise only signet-rings, partially attributable to the Byzantine circle and partially to the artefacts made by Seljuk artisans. Predominant were expensive ornaments of silver or gold. The difference between the assortment of ornaments from the twelfth and thirteenth centuries and those from the fourteenth century can be explained not only by the change of fashion, but also by the different social status of those who lived in various districts of the provincial town. In the twelfth and thirteenth centuries, only the ordinary townspeople lived in quarters I and II, where only the bronze ornaments originate from. In the fourteenth century, the members of wealthy families were buried into slabbed graves located in the area in front of the basilica in the town centre, where silver and gold signet-rings were found. In the fourteenth century, signet-rings made a part of women's and children's attire. Young women, 18–20 and 19–25 years old, wore one signet-ring at once, on the fourth finger of the right hand; older women, 30–35 years old, decorated their left hand with a set of two signet-rings made in the same style. Young girls wore only one signet-ring on the third finger of the left hand. There were no signet-rings specially made for children: they got reshaped adults' ornaments.

Key words: Byzantium, south-western Crimea, town atop the plateau of Eski-Kermen, finger-rings, signet-rings

Acknowledgments: This study was funded by the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00076 “The Evolution of the Towns on the Inner Ridge of the Crimean Mountains in the Middle Ages and Modern Period.”

В ходе раскопок последних лет на территории города на плато Эски-Кермен в постройках и погребальных сооружениях XII–XIII вв. из кварталов I и II (рис. 1,1–5), а также в плитовых могилах XIV в. перед главной базиликой (рис. 1,6–11) обнаружено четыре кольца и девять перстней. В предлагаемой работе в научный оборот вводятся новые находки, обосновывается их датировка, выявляется круг аналогий и дается культурно-историческая атрибуция. Положение почти всех перстней и колец, выявленных в могилах, зафиксировано *in situ*, что позволяет реконструировать способы их ношения и высказать наблюдения об особенностях использования у представителей разных возрастных групп. По форме и способу изготовления перстни и кольца из Эски-Кермена можно разделить на шесть групп: 1 – пластинчатые кольца (рис. 1,1); 2 – литые кольца (рис. 1,2); 3 – цельнолитые перстни с плоским щитком (рис. 1,5–7); 4 – цельнолитые перстни с многоугольным щитком (рис. 1,3,4); 5 – цельнолитые перстни с фигурным щитком с рельефным декором (рис. 1,8,9); 6 – перстни с напаянным цилиндрическим гнездом со вставкой (рис. 1,10,11).

1. Пластинчатые кольца

В могиле 12/2020 из притвора однефного храма в квартале II обнаружена пара бронзовых колец из гладкой узкой пластины с заходящими друг за друга концами (рис. 1,1). Одно кольцо, диаметром 2,0 см, сделано из пластины шириной 0,5 см (рис. 2,1), второе, размером 1,9х2,4 см, – из слегка расширяющейся в центральной части пластины шириной 0,5–0,8 см (рис. 2,2). Могила 12/2020 относится к ранним погребальным сооружениям, высеченным в скальном полу в центральной части притвора храма, построенного на рубеже X–XI вв. [4, с. 318–322, ил. 5,9–12]. Из за-

полнения могил извлечены обломки амфор класса 36/ХК-95 второй половины IX – XI в., класса 43/ХК-95 (Günseuin II) второй половины X – XI в., коричневоглиняных высокогорлых кувшинов класса 41/ХК-95 конца IX – XI в. и белоглиняного сосуда открытой формы с желтой глазурью византийского производства X–XIII вв.¹ В этих могилах хоронили на протяжении XI–XII вв., в каждой зафиксировано не менее 44–54 костяков. В XIII в. могилы были перекрыты глиняным полом. В могиле 12/2020 пластинчатые кольца зачищены в одном из поздних захоронений (слой 2, костяк 14; рис. 2, II), совершенных, скорее всего, в XII в.

Простые в исполнении пластинчатые кольца с заходящими друг за друга концами известны с ранневизантийского времени. Их носили жители византийских крепостей в Подунавье [57, Taf. 124,9,10] и городов Италии и Малой Азии [51, Taf. 116,6; 50, S. 80, Kat. Nr. S196, Taf. 28]. В Юго-Западном Крыму пара подобных колец найдена в Скалистом, в склепе 500, в погребении женщины 30–35 лет с инвентарем VII в. [11, с. 125–126, рис. 92,26,27] и в так называемом Симеизском склепе 1955 г. – вместе с вещами VII–XIII вв. [27, с. 126, 143, рис. 3, кат. 36–37].

В X–XII вв. аналогичные украшения пользовались популярностью на широкой территории и у многих народов. Они найдены в погребениях этого времени на византийских некрополях в Коринфе [42, р. 241–242, type K, pl. 105,1915,1916,1920] и Ясоче [36, р. 193, 209, pl. 7,t.202], в захоронениях болгар [12, с. 47, 187, 200, тип I.3, обр. 57,7,8; 70], венгров [49, tabl. 39,4; 111,5,6; 168,10,11; 177,14; 184,9; 188,3,10; 242,2; 242,8,9; 245,2; 254,11; 279,5,6; 286,1; 302,2], в Древней Руси [18, с. 488–489, рис. 2,6,7, цв. вкл. 12,6,7].

Многие кольца украшены циркульным орнаментом или прямыми линиями, зигзагами, спиралями, выполненными пуансонными точками или мелкими черточками [49, tabl. 104,2,3; 151,6,9; 154,8; 158,1; 173,14–16; 189,5; 242,9; 254,11; 12, с. 47, 187, 200, тип I.3, обр. 57,7,8; 70]. На кольце X–XII вв. из Венгрии тонкими черточками нанесены знаки, имитирующие надпись [49, tabl. 234,14]. На поверхности одного из византийских колец X–XI вв. из некрополя на акрополе Коринфа выгравированы первые слова псалма 90 [42, р. 241–242, fig. 47, pl. 105,1915]. Издревле этот текст имел репутацию мощного отвращающего беду средства, отдельные цитаты из него размещали на косяках окон и дверей, на стенах жилых помещений и могил, а начальные слова часто гравировали на браслетах-амулетах и подвесках-куллонах со святым всадником для защиты носящего от всяких бед [45, р. 575–579; 29, с. 158]. Строки псалма, нанесенные на перстень, должны были наделить украшение защитной силой и превратить в амулет.

В погребениях пластинчатые кольца часто находятся парой. Так, в венгерских могильниках Хайдусобосло-Аркошалом (Hajdúszoboszló-Árkoshalom) и Пюшпёкладань (Püspökladány-Eperjesvölgy) в захоронениях X–XI вв. ребенка 6–8 лет и женщин 17–20 и 31–36 лет кольца лежали по одному на безымянных пальцах каждой

¹ Керамика определена А. В. Смокотиной, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ имени В.И. Вернадского и И. Б. Тесленко, старшим научным сотрудником Института археологии Крыма РАН. Классы амфор даны по Херсонесской классификации 1995 г. [25].

руки [49, S. 75, 152, кер. 92, 98, tabl. 46,5,6; 168,10,11; 184,9]. В погребении славянского воина конца X – середины XI в. из Подгорцев (летописный Плеснеск) на костях правой руки лежало кольцо из золотой пластины, а на костях левой руки – подобное кольцо, изготовленное из широкой серебряной ленты [18, с. 488–489, рис. 2,6,7, цв. вкл. 12,6,7]. На плато Эски-Кермен, в храме из квартала II женщину, умершую в возрасте 30–35 лет², также похоронили с двумя пластинчатыми кольцами, надетыми на средний палец левой руки и на безымянный палец правой руки (рис. 2, I, III). Видимо, таким же образом украшения носились женщиной при жизни.

2. Литые кольца

В квартале I, в костнице под апсидой часовни и в подвале 1 усадьбы 4 найдены бронзовые кольца, целиком отлитые в двусторонней форме (рис. 1,2). Кольцо из костницы – гладкое, полуовальное в поперечном сечении, его размер 2,0x2,2 см, толщина – 0,35 см (рис. 3,4). Кольца из подвала 1 отлиты с ребром на внешней стороне и имеют подромбическое поперечное сечение; диаметр колец по внешнему краю – 2,4 и 2,5 см, внутри – 1,7–1,8 см, толщина – 0,4–0,5 см (рис. 3, I, 2). В костнице под апсидой часовни кольцо обнаружено среди костей из не менее 120 погребений, вместе с инвентарем X–XIII вв. (рис. 3,4) [4, с. 425–427, рис. 19–20], а в подвале 1 пара колец найдена вместе с перстнем (рис. 3, I–3) среди костей женщины, прятавшейся здесь и погибшей от пожара во время набега войск Ногая в 1299 г.

Цельнолитые кольца – самое простое украшение рук, известное с древнейших времен. Подобные изделия были широко распространены на территории Восточной Римской империи, их находки известны как в слоях ранневизантийского времени [41, р. 149–150, pl. 44,431–432; 59, р. 132–133, Cat. Nr. 857, 866, pl. 49,857,866; 40, р. 80, pl. XV,738], так и в погребениях XI–XII вв. [36, р. 193, 203, pl. 1,t.40] и XIII–XIV вв. [33, р. 77, 78, fig. 7]. В Царичин Граде и в Сардах найдены каменные литейные формы для производства таких колец [59, р. 143, Cat. Nr. 952, pl. 54,952; 40, р. 155, pl. XXXII,1398]. Находки однотипных колец, датированных XIII в., известны на сельджукских памятниках из Юго-Западной Анатолии [60, р. 1549, tipe 1, Şek. 3, foto 2].

Цельнолитые кольца пользовались популярностью в Древней Руси во второй половине X – XII в. [23, с. 53–54, тип 3, рис. 1,6]. На территории Болгарии этот тип украшений бытовал на протяжении VIII–XII вв., однако большинство его находок связано с комплексами XI в. [12, с. 47, 187, 200, тип I.1, обр. 57,1; 70].

В Юго-Западном Крыму цельнолитые кольца известны с раннесредневекового времени. Похожее кольцо обнаружено в могильнике у с. Лучистое, в склепе 35, вместе с инвентарем VII в. [2, с. 232, табл. 98,7]. Более поздние экземпляры происходят с Мангуца [10, с. 423, рис. 4,а] и из Херсона [9, с. 87, рис. 53]. В Херсоне найдено и несколько литейных форм для отливки сплошных колец, что свидетельствует о местном массовом производстве этого типа украшений в средневековое время [31, рис. 178,2,6,8,9].

² Исследования антропологического материала из раскопок на плато Эски-Кермен выполнены В. Ю. Радчиным, старшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ имени В.И. Вернадского.

Следует отметить, что литые бронзовые кольца могли использоваться не только в качестве украшений для рук, но и в качестве поясных деталей – для соединения портупейных или вспомогательных поясных ремней, либо в качестве поясного кольца, к которому подвешивали нож или сумочку [41, р. 149; 28, с. 161–162].

3. Цельнолитые перстни с плоским щитком

На плато Эски-Кермен найдено три литых перстня с плоским щитком, составляющим единое целое с шинкой. Один перстень обнаружен на второй поперечной улице, разделявшей кварталы I и II, рядом с помещением 3 усадьбы 4, в слое разрушения конца XIII в. (рис. 1,5). Два перстня выявлены в плитовых могилах в центральной части города, перед главной базиликой (рис. 1,6,7). Некрополь с плитовыми могилами функционировал в XIV в. Могилы впущены в слой разрушения конца XIII в., а в некоторых погребениях найдены золотые серьги в виде знака вопроса, серебряная монета хана Узбека выпуска 1320–1341 гг. и кувшины группы Юго-Западный Крым [30, с. 39, рис. 36,3; 37,1; 37,4,6; 5, с. 33, рис. 1].

Перстень XIII в., обнаруженный на второй поперечной улице, отлит из бронзы с сегментовидной в сечении шинкой и плоским широким округлым щитком с треугольными боковыми сторонами (рис. 4,1). Размер перстня 2,2x2,3 см, внутренний диаметр 1,8 см, размер щитка 1,5x1,6 см. От изображения на поверхности щитка сохранились только многочисленные мелкие точки, нанесенные инструментом с заостренной рабочей частью (рис. 4,1а). По форме и декору перстень относится к группе византийских украшений XI–XIII вв., распространенных в Малой Азии и на Балканах [42, р. 238, 243, Type G, L, Cat. No. 1872, 1932, 1933, pl. 104–105; 56, р. 126–129; 50, S. 63, Kat. Nr. S108, Taf. 22, Farbtaf. 21]. На плоских овальных или круглых щитках большинства этих цельнолитых перстней в одинаковой манере изображались птицы, лики святых или пентальфа. Их контуры прочерчивались врезной линией, тогда как фон, а зачастую и сама фигура заполнялись точками. Такая техника нанесения изображения – с точечным фоном для оттенения гравированных фигур и знаков, в целом характерна для византийской и восточной тюркской культуры XI–XIII вв. [13, с. 129; 35, Cat. Nr. 262]. На щитках некоторых перстней этого типа встречаются выгравированные надписи на греческом языке «Господи, помоги Евдокии» и «Господи, помоги носящему», взятые в рамку из точек, нанесенных пунсоном по контуру [54, р. 130, 132, Cat. Nr. 18, 19, fig. 33–36]. Отметим, что изображения (птицы, лики святых, пентальфа) и надписи на названных перстнях служили не для декора, а имели защитный характер, что позволяет рассматривать этот тип украшений еще и в качестве амулета.

Перстень из плитовой могилы 1/2018 XIV в. (рис. 4,2) сделан из сплава, содержащего 70,08% серебра, 28,61% меди и небольшие примеси свинца (1,07%) и цинка (0,24%)³. Шинка перстня – пластинчатая, ее диаметр по внешнему краю 2,0 см,

³ Исследование элементного состава металла публикуемых перстней выполнено А. В. Антипенко, младшим научным сотрудником НИЦ истории и археологии Крыма КФУ имени В.И. Вернадского, на рентгенофлуоресцентном спектрометре Bruker M1 Mistral с ускоряющим напряжением 50 кВ.

внутри – 1,7 см. На овальном щитке размером 1,0х1,2 см прорезан стилизованный растительный орнамент. Узор, размещенный на небольшом пространстве, детально проработан. Щиток разделен двумя поперечными полосами на три части (рис. 4,2б). Центральная – в виде вытянутого прямоугольника, полностью заполнена изогнутым стеблем с трехлепестковой полупальметтой и расположенным у ее основания завитком-усиком. В боковых, треугольных частях щитка помещены трилистники (рис. 4,2а,б).

По форме перстень аналогичен византийским украшениям, бытовавшим в X–XIII вв. в Малой Азии [50, S. 59, 64, 79, Kat. Nr. S88, S112, S190, Taf. 20, 22, Farbtaf. 19, 21, 26] и на Балканах [42, p. 243–244, Type L, Cat. No. 1937, 1939, 1942, pl. 105–106]. По декору он близок привезенным, скорее всего, из Малой Азии перстням XIV в., найденным якобы в окрестностях Солхата (рис. 4,3) [17, с. 143–145, ил. 3–4], и деталям поясного набора этого же времени из погребения 482 в центральном нефе большой трехнефной базилики Мангуа (рис. 4,4,5) [15, с. 391–393, кат. № 299]. На всех названных изделиях в единой манере изображены стебли с полупальметтами и завитками-усиками, а также трилистники с центральным листом ромбической формы. Одинаково скомпонованы и отдельные элементы декора: на перстнях из Эски-Кермена и окрестностей Солхата трилистники вписаны в небольшое боковое пространство щитка (рис. 4,2а,3).

Расположение орнаментальных мотивов на публикуемом перстне повторяет декоративную композицию на богатых византийских перстнях с многоугольными щитками XII–XIII вв., поверхность которых разделена поперечными врезными линиями на три части. В центре золотого перстня из Художественного музея Уолтерса выгравирована греческая надпись, а на боковых частях треугольной формы – трилистники, обращенные, как и на перстне из Эски-Кермена, острием к краю щитка [58, p. 37, 40, fig. 17]. На перстнях из Керчи, из плитовой могилы около церкви Иоанна Предтечи [20, с. 372, рис. 17,1] и из клада, найденного в Фессалониках [37, pl. 28, Cat. No. 15] центральное поле заполнено стеблем с полупальметтами, а боковые – симметрично расположенными растительными мотивами. Такие же декоративные мотивы, разделенные узкими поперечными полосами, присутствуют в византийской рукописной орнаментике XII–XIII вв. [13, с. 215–217, 220, илл. 348, 353; 56, p. 226]. Отмеченные особенности формы и декора перстня из Эски-Кермена позволяют отнести его к продукции византийских ювелиров или мастеров, хорошо знавших традиции византийского художественного ремесла.

В могиле 1/2018 перстень лежал в погребении женщины 19–25 лет, в области пояса, среди переворошенных костей правой руки [30, с. 49, 52, рис. 25,III; 28,4].

Перстень из могилы 9/2021 XIV в. (рис. 4,6) отлит из высокопробного серебра с сегментовидной в сечении шинкой, в центральной части переходящей в эллипсовидный, сильно вытянутый щиток, на плоской поверхности которого в овальной рамке выгравированы расположенные в три строки знаки (надпись на арабском языке или ее имитация?) (рис. 4,6а). В углублениях, оставленных резцом при нанесении зна-

ков, сохранились следы позолоты. Диаметр перстня по внешнему краю 1,9х2,0 см, внутри – 1,5 см, размер щитка 0,8х1,5 см.

Форма перстня со слегка расширяющейся центральной частью – универсальная, существовавшая с ранневизантийского времени [42, р. 229, 237, Type G, Cat. No. 1850, 1851, 1855, 1856, pl. 103; 50, S. 56–57, Kat. Nr. S78, Taf. 19, Farbtaf. 19]. Форма щитка, подчеркнутая врезной линией, повторяет щитки перстней в форме рыбы – оберега, популярного на мусульманском Востоке в предмонгольское и монгольское время. Часто оберегающая функция таких перстней усиливалась стилизованной арабской надписью [24, с. 378, кат. № 210]. Такие же перстни с вытянутым эллипсовидным щитком с благожелательными арабскими надписями или их имитацией пользовались популярностью на Юго-Западе Турции в XIII–XV вв., где их распространение связывают с сельджукским и османским присутствием [48, р. 238–239]

В могиле 9/2021 перстень выявлен в погребении ребенка 7–8 лет, среди костей левой руки. Судя по размерам, перстень предназначался для взрослого человека, но был специально уменьшен до размера тонких детских пальцев. Для этого шинка перстня в нижней части была разломана и сдавлена (рис. 4,6б).

4. Цельнолитые перстни с многоугольным щитком

В квартале 1 найдено два бронзовых перстня, отлитых с сегментовидной в сечении шинкой и высоким октогональным щитком с вогнутыми сторонами (рис. 1,3,4). В месте перехода шинки в щиток с обеих сторон сделано по небольшому углублению. Один перстень зачищен в костнице под апсидой часовни, среди костей из не менее 120 погребений, вместе с инвентарем X–XIII вв. [4, с. 451, рис. 19,1]. На его щитке видны врезные линии и небольшие углубления от разрушенного коррозией декора (рис. 3,5). Диаметр перстня по внешнему краю 2,2 см, внутри – 1,8 см, размер щитка 1,2х1,5 см, толщина – 0,4 см. Похожий по форме и пропорциям щитка перстень с неясным, по причине плохой сохранности, изображением происходит из Коринфа, из слоя X–XI вв. [42, р. 240, Cat. No. 1895, pl. 104].

Второй перстень (рис. 3,3) обнаружен в подвале 1 усадьбы 4, в слое разрушения конца XIII в. Его диаметр по внешнему краю – 2,2 см, внутри – 1,8 см, размер щитка 1,4х1,5 см, толщина 0,3–0,4 см. По контуру щиток обведен врезной линией, в центре – выгравировано стилизованное изображение птицы вправо (рис. 3,3а). Голова и туловище птицы переданы двумя круглыми углублениями, сложенное крыло – вытянутым треугольником, на завершении которого прочерчена изогнутая линия с утолщением на завершении, изображающая, вероятно, поднятый хвост. Ноги отсутствуют, а клюв из-за качества изображения только угадывается. Ближайшими аналогиями публикуемой находке являются бронзовые перстни XIII в. со стилизованным изображением птицы, происходящие из Центрального района Херсона (рис. 3,6) [55, р. 246, 533, Cat. Nr. 214] и из Древнего Армавира (Армения) [6, с. 343, 445, табл. 159,33]. Перстни из Херсона и Эски-Кермена (рис. 3,3,б) практически идентичны по размерам, форме и изображению на щитке. Скорее всего, они были сделаны в одной мастерской.

Подобные по форме щитка цельнолитые бронзовые перстни XIII в., отличающиеся декором, найдены в сельджукском дворце Кубад-Абад из Юго-Западной Анатолии [60, p. 1549, 1558, type 2, Şek. 4, foto 5] и в Херсоне [55, p. 532, Cat. Nr. 212], Перстень из Турции украшен растительным, а из Херсона – геометрическим гравированным орнаментом. Помимо перечисленных бронзовых перстней, являвшихся массовой продукцией, рассчитанной на небогатого потребителя, в XIII в. бытовали и дорогие византийские золотые перстни с высоким октогональным щитком, изготовлявшиеся ювелирами по индивидуальному заказу. Речь идет о трех перстнях, хранящихся в коллекциях Национального археологического музея в Афинах, в Британском музее и Метрополитен-музее. Щиток перстня из Афин украшен изображением женской головки в рамке из растительного декора [37, p. 221, 227, pl. 7, 8]. На щитке перстня из Британского музея, происходящего, вероятно, из Мистры, выгравирована монограмма имени Мануил [39, p. 45–46, Cat. Nr. 15; 37, p. 221, pl. 35]. Судя по надписи «Печать Михаила Зориана», прорезанной в зеркальном отображении, перстень из Метрополитен-музея использовался в качестве личной печати [39, p. 46, Cat. Nr. 16].

По приведенным аналогиям очевидно, что публикуемые перстни с выступающим октогональным щитком из Эски-Кермена относятся к изделиям византийского круга. Обратим внимание на особенность изображения птицы на перстнях из Эски-Кермен и Херсона. Она представлена с поднятым хвостом, обозначенным одной врезной линией. Подобным образом птица выгравирована на овальном щитке бронзового перстня, найденного в окрестностях Судака, в урочище Димитраки – в одной из могил XIII в. около храма в монастыре [8, с. 610–612, рис. 12,9]. Изображение на небольших щитках бронзовых перстней выполнено схематично и по нему невозможно определить вид птицы.

Птица с поднятым хвостом – мотив, обычный в искусстве Ирана X–XIII вв. [21, с. 163, рис. 144], который, судя по изображениям на серебряных сосудах XI–XII вв. и браслете из коллекции Г. Шлюмберже XII–XIII вв., был заимствован византийскими ювелирами и торевтами [7, с. 61, рис. 50; 13, с. 97, 99, 272, 274, ил. 151, 162, 387; 16, с. 72, рис. 16]. Похожее изображение шагающей птицы с высоким поднятым хвостом можно увидеть на хранящейся в Музее Виктории и Альберта серебряной амулетнице XII–XIII вв., считающейся византийского [53, p. 31–32, fig. 12; 13, с. 273–274, ил. 389] или восточного происхождения [21, с. 163]. Исследователями неоднократно отмечалось защитное значение изображения птицы, которое в X–XIII вв. помещали не только на украшениях, металлических сосудах, но и на тканях и керамической поливной посуде, использовавшейся в повседневной жизни [13, с. 202–204; 12, с. 64].

5. Цельнолитые перстни с фигурным щитком с рельефным декором

В плитовой могиле 6/2020 XIV в., расположенной перед главной базиликой, зачищено два свинцовых перстня, выполненных в единой технике (рис. 1,8,9). Они целиком отлиты в разъемной форме: на обратной стороне щитков и по внешнему краю шинки виден литейный шов, образовавшийся в результате затека расплава

в зазоры между частями формы (рис. 5,1a,2a) [22, с. 152–153]. Один перстень (рис. 5,1,1a) сделан с щитком эллипсовидной формы с заостренными боковыми частями и овальной в сечении шинкой. В нижней части и около щитка на внешней стороне шинки сделаны рельефные выступы. Шинка погнута, ее размер по внешнему краю 1,8x2,7 см, внутри – 1,1x2,1 см. Щиток отлит с рельефным геометрическим орнаментом в виде двух, смыкающихся в центре дуговидных полос, рассеченных на мелкие прямоугольники поперечными линиями. Контур щитка украшен полосой с аналогичным декором. В заостренных частях щитка сделаны полусферические выступы: четыре – с одной стороны, два – с другой. Размер щитка 1,1x1,8 см, толщина 0,3 см.

По форме и декору перстень относится к группе украшений, большинство находок которых происходит из Центральной и Западной Турции, из памятников и культурных слоев XIII–XV вв., связанных с сельджукским и османским присутствием [48, р. 234, 238, 239; 50, S. 64–68]. Эти перстни изготавливались, в основном, из бронзы, но известны и свинцовые экземпляры. На их щитки наносили растительный или геометрический декор [50, S. 64–68, Kat. Nr. S114–131, Taf. 23, 24, Farbtaf. 21, 22], иногда – арабские надписи благожелательного характера [48, р. 213]. Встречается и декор из дуговидных линий, подобный орнаменту на перстне из Эски-Кермена [50, S. 64–65, Kat. Nr. S115, S119, Taf. 23, Farbtaf. 21, 22]. Вариации такого узора из дуговидных линий, называемого А. М. Пюльц «арабскими мотивами», можно увидеть и на одновременных, отличающихся формой щитка бронзовых перстнях из Эфеса [50, S. 71, Kat. Nr. S145–147, Taf. 25, Farbtaf. 23].

Для названной группы перстней характерен декор в виде рельефных выступов на боковых сторонах и в нижней части шинки. По мнению А. М. Пюльц, выступ в нижней части шинки перстней – это остаток литника, доработанный после отливки и сохраненный как декоративный элемент [50, S. 64]. Не отрицая возможность такой интерпретации, отметим, что, судя по бытовавшим на широкой территории богатым золотым и каменным перстням, которые зачастую служили образцами при изготовлении более дешевых бронзовых изделий, в XIV в. существовала мода на декорирование шинки фигурными выступами около щитка и в нижней части. В качестве примера можно привести золотые перстни, распространенные на территории Золотой Орды, у которых выступы на шинке украшены резным декором [24, с. 378, кат. № 210; 15, с. 408, кат. № 315, 316], а также халцедоновые перстни из Фессалоник и Сербии, которые связывают с появлением осман в регионе в последние десятилетия XIV в. [33, р. 77–78, fig. 8; 61, р. 196–197, Cat. Nr. 72]. Фигурные выступы на шинке свинцового перстня из Эски-Кермена (рис. 5,1), бесспорно, сделаны как декоративные элементы, в соответствии с модой, существовавшей в восточном ювелирном производстве XIV в.

Второй перстень из могилы 6/2020 (рис. 5,2,2a) отлит с узкой, сегментовидной в сечении шинкой с небольшим полусферическим выступом в нижней части и щитком в виде девятилепестковой розетки с полусферическим выступом в центре, рельефными концентрическими кругами и подчеркнутым рельефной линией кон-

туром. Диаметр шинки по внешнему краю 1,8 см, внутри – 1,5 см, размер щитка 1,2x1,3 см, толщина 0,2–0,3 см.

Перстни с щитками в форме многолепестковой розетки характерны для византийского ювелирного производства с раннесредневекового времени. В качестве примера можно назвать золотые перстни VI–VII вв. из Восточного Средиземноморья с щитком в форме шестилепестковой розетки с выгравированной греческой монограммой мужского имени Феодор [43, S. 329, Cat. Nr. 642] или в виде восьмилепестковой розетки, на которой изображена брачная церемония с греческой подписью «Гармония» [34, p. 214, Cat. No. 17–18]. Перстни с щитком в виде многолепестковой розетки пользовались популярностью и в поздневизантийское время. Они найдены в Коринфе, в слоях XII–XIII вв. [42, p. 232, 247, Type R, Cat. No. 1982, pl. 107] и на северо-западе Греции, в некрополе XIII–XIV вв. около базилики святого Ахиллия на озере Микра-Преспа [44, p. 586, Cat. Nr. 838]. Такая форма украшения была заимствована у византийских ювелиров сельджукскими мастерами, о чем свидетельствуют находки бронзовых перстней XII–XIII вв. с щитком в форме семилепестковой розетки из Турции [48, p. 237].

Публикуемые перстни из свинца XIV в. были, скорее всего, привезены из Малой Азии. Они сделаны из одного материала, в одной технике (литье в разъемной форме) и украшены в едином стиле (тонкая шинка с выступами в нижней части, щиток с рельефным орнаментом). Видимо, они изготовлены в одной мастерской и приобретены единым набором. Перстни зачищены в погребении женщины 30–35 лет, в области левой кисти. Зафиксировать точное положение перстней на костях пальцев левой руки не удалось. На предложенной нами реконструкции перстень с щитком в форме многолепестковой розетки изображен надетым на среднюю фалангу мизинца – такой способ ношения украшения соответствует его небольшому диаметру (рис. 5,А). О том, что в средние века кольца носили не только на проксимальной фаланге, но и на средней, свидетельствуют иконографические данные [47, p. 77, 79, fig. 8].

6. Перстни с напаянным цилиндрическим гнездом со вставкой

В центре города перед главной базиликой, в двух плитовых могилах XIV в. найдены перстни с пластинчатой шинкой с продольным рифлением на внешней стороне и напаянным цилиндрическим гнездом с полусферической вставкой из бирюзового камня или глухого стекла (рис. 1,10,11). Перстень, происходящий из могилы 2/2019 (рис. 6,1,1а), сделан из сплава золота, серебра и меди, в котором количество золота приближено к 750-й пробе [32, p. 595–596]. Размер шинки 1,8x2,0 см, диаметр гнезда 0,9 см, высота – 0,5 см. Перстень из могилы 8/2020 (рис. 6,3,3а) изготовлен из серебряно-медного сплава (количество серебра до 70%, меди – до 28%) с примесями свинца (2%) и цинка (1%). Размер шинки 1,7x2,0 см, диаметр гнезда 1,0 см, высота – 0,7 см.

Перстни относятся к группе византийских украшений, известных с раннесредневекового времени. Они найдены в Константинополе [52, 84, pl. LXI,115], в погребении VII в. аварского вождя из Кунбабони [46, Taf. 53,9], в Юго-Западном Крыму –

в склепах VII–IX вв. из Скалистого [11, с. 48–50, 82–83, рис. 29,16,23; 56,9], на некрополе, расположенном на юго-восточном склоне плато Эски-Кермен, в могиле 290 с инвентарем второй половины VIII – IX в. [1, с. 370, рис. 5,16], а также в Судаке, на городском некрополе, в могилах 3 и 48 второй половины VIII – первой половины X в. [19, с. 100, 259, 128, рис. 91; 92; 128,18–20]. Перстни этого типа, датированные более поздним временем – X–XII вв., обнаружены на территории Греции [44, р. 446, Cat. Nr. 592] и Болгарии [12, с. 62, 199, 202, тип VIII.1, обр. 69,5; 74]. Во второй половине XIII – XIV в. такой же вид украшения зафиксирован у оседлого христианского населения Нижнего Поднепровья [14, рис. 13,13].

Обратим внимание на особенности декора золотого перстня из могилы 2/2020. По обе стороны от гнезда, на расстоянии 0,5 см, на пластинчатой шинке сделаны небольшие круглые отверстия, в которых сохранились остатки бронзового стержня. Скорее всего, здесь крепились дополнительные украшения перстня – бусины или небольшие жемчужины (рис. 6,1б). Подобным образом оформлены золотые перстни XIV–XV вв. и из других регионов. Так, найденные в Болгаре перстни, относящиеся к иранскому производству, имели на пластинчатой шинке рядом с центральным гнездом со вставкой из бирюзы два небольших напаянных цилиндрических гнезда для дополнительных вставок [26, с. 221, 308, 453, 458, илл. 366, кат. № 266, 285]. На золотом перстне с каменной вставкой с арабской надписью XIV–XV вв., хранящемся в коллекции Римско-германского центрального музея г. Майнц, на золотом штыре укреплены дополнительные сферические вставки из жемчуга [38, S. 88–91, 270–271, Kat. 29, Abb. 73, 74, 148]. Об аналогичной практике украшения свидетельствуют отверстия, сделанные рядом с центральным кастом на шинках перстней XIV–XV вв. из Сербии [61, р. 184–185, Cat. Nr. 52–53].

Таким образом, золотой перстень из Эски-Кермена, форма которого повторяет традиционные византийские ювелирные изделия, был декорирован в соответствии с распространившейся с Востока в XIV в. модой. В могиле 2/2020, в погребении молодой женщины 18–19 лет перстень найден вместе с парой золотых серег в виде знака вопроса (рис. 6,2), появление которых в Юго-Западном Крыму связано с влиянием золотоордынской моды [30, с. 44]. Объединенные в набор украшения выполнены из материала разного качества: серьги изготовлены из высокопробного золота (в состав металла входило 92,71% золота с небольшой примесью серебра – до 4,35% и меди – до 3,36%), перстень сделан из золота низкого качества. Перстень лежал *in situ* на проксимальной фаланге безымянного пальца правой руки (рис. 6,А).

В могиле 8/2020 однотипный серебряный перстень зачищен в погребении ребенка 8–12 лет, на проксимальной фаланге среднего пальца левой руки. Перстень, имевший большой диаметр, вероятно, изначально предназначался для взрослого человека. Для руки ребенка его немного уменьшили, сжав шинку по бокам (рис. 6,3).

Особенности ношения перстней и колец

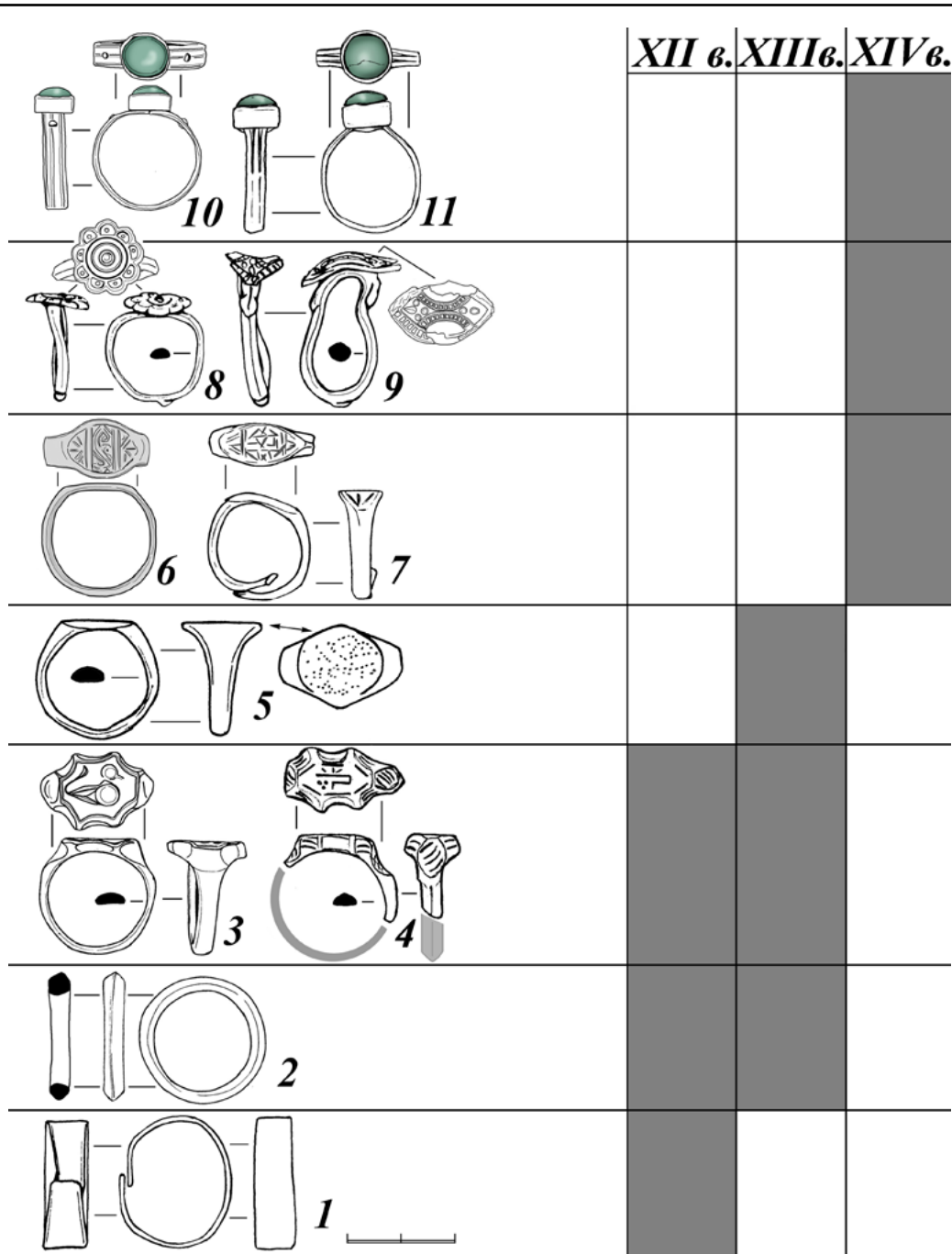
Перстни и кольца XII–XIII вв. найдены в усадьбах и в погребениях из храмов в кварталах I и II. Все они – небогатые, выполненные из бронзы, простые в декоре

украшения, использовавшиеся в повседневной жизни (рис. 1,1–5). Зачастую такие украшения носились парой или набором из трех экземпляров (рис. 2,III; 3,1). Женщина 30–35 лет, похороненная в XII в. в притворе квартального храма, носила пару пластинчатых колец – по одному на среднем пальце левой руки и на безымянном пальце правой руки (рис. 2,1,2). Набор из бронзового перстня и двух колец (рис. 3,1–3) обнаружен среди костей скелета женщины, прятанной в подвале 1 и погибшей от пожара во время набега войск Ногая в 1299 г. Принадлежность остальных украшений из квартала 1 установить невозможно. Найденные в костнице перстень и кольцо (рис. 3,4,5) лежали среди перемещенных костей, а перстень со второй поперечной улицы (рис. 4,1) – в слое разрушения. Поскольку по размерам эти украшения аналогичны перстням и кольцам из женских погребений, можно предположить, что они тоже использовались в женском уборе.

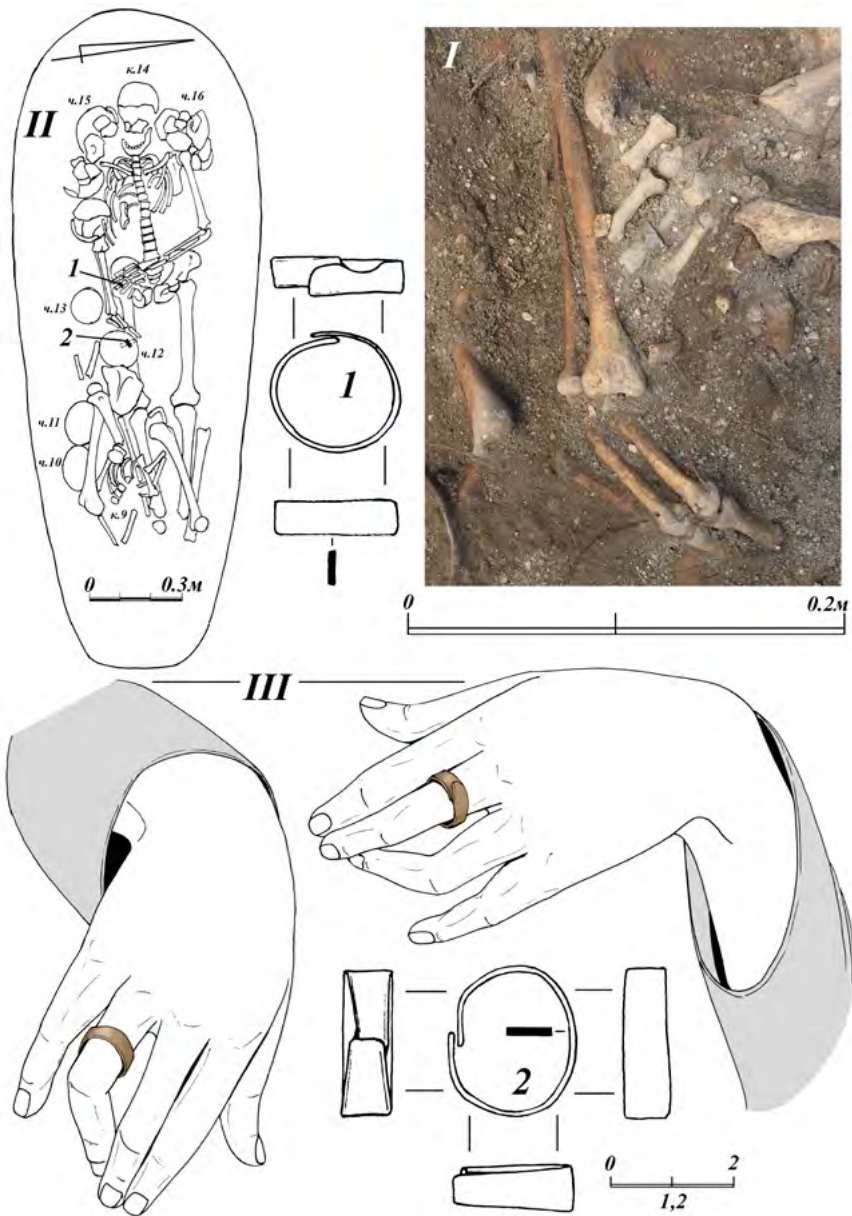
Украшения рук XIV в. представлены только перстнями (рис. 1,6–11). Почти все они – сравнительно дорогие, выполненные из серебра или золота украшения. Два перстня сделаны из свинца – металла белого цвета, который по внешним признакам трудно отличить от серебра. Разница в ассортименте украшений XII–XIII вв. и XIV в. объясняется не только сменой моды, но и различием в социальной принадлежности жителей разных районов провинциального города. В кварталах I и II, откуда происходят только бронзовые украшения, в XII–XIII вв. жили рядовые горожане. На участке перед базиликой, в центре города, в XIV в. в плитовых могилах хоронили представители богатых семейств. О высоком социальном и имущественном положении похороненных здесь людей свидетельствуют трудоемкие погребальные сооружения, на возведение которых требовалось не менее 10 массивных хорошо обработанных плит, захоронение в прижизненной одежде с золотными нитями и с золотыми украшениями, а также наличие погребального инвентаря – керамической и металлической посуды [30, с. 39].

Судя по находкам из погребений, в XIV в. перстни были принадлежностью женского и детского уборов. Молодые женщины, 18–20 и 19–25 лет, носили перстни по одному – на безымянном пальце правой руки (рис. 4,2; 6,А). Учитывая находки из могилы 6/2020, можно говорить о том, что женщины постарше, 30–35 лет, украшали левую руку набором из двух перстней, выполненных в едином стиле (рис. 5,А). Девочки носили только по одному перстню на среднем пальце левой руки (рис. 4,6; 6,3). Специально сделанных для детей перстней не существовало: для них переделывались украшения взрослых, подгонявшиеся под размер детских пальцев.

Сравнительно небольшая выборка украшений, имеющихся в нашем распоряжении, не дает полной картины того, какие перстни и кольца бытовали в XII–XIV вв. у жителей города на плато Эски-Кермен, и каким образом они носились представителями разных половозрастных групп. Тем не менее, высказанные наблюдения позволяют расширить наши представления о повседневной жизни жителей провинциального города в Юго-Западном Крыму, на периферии Византийской империи.

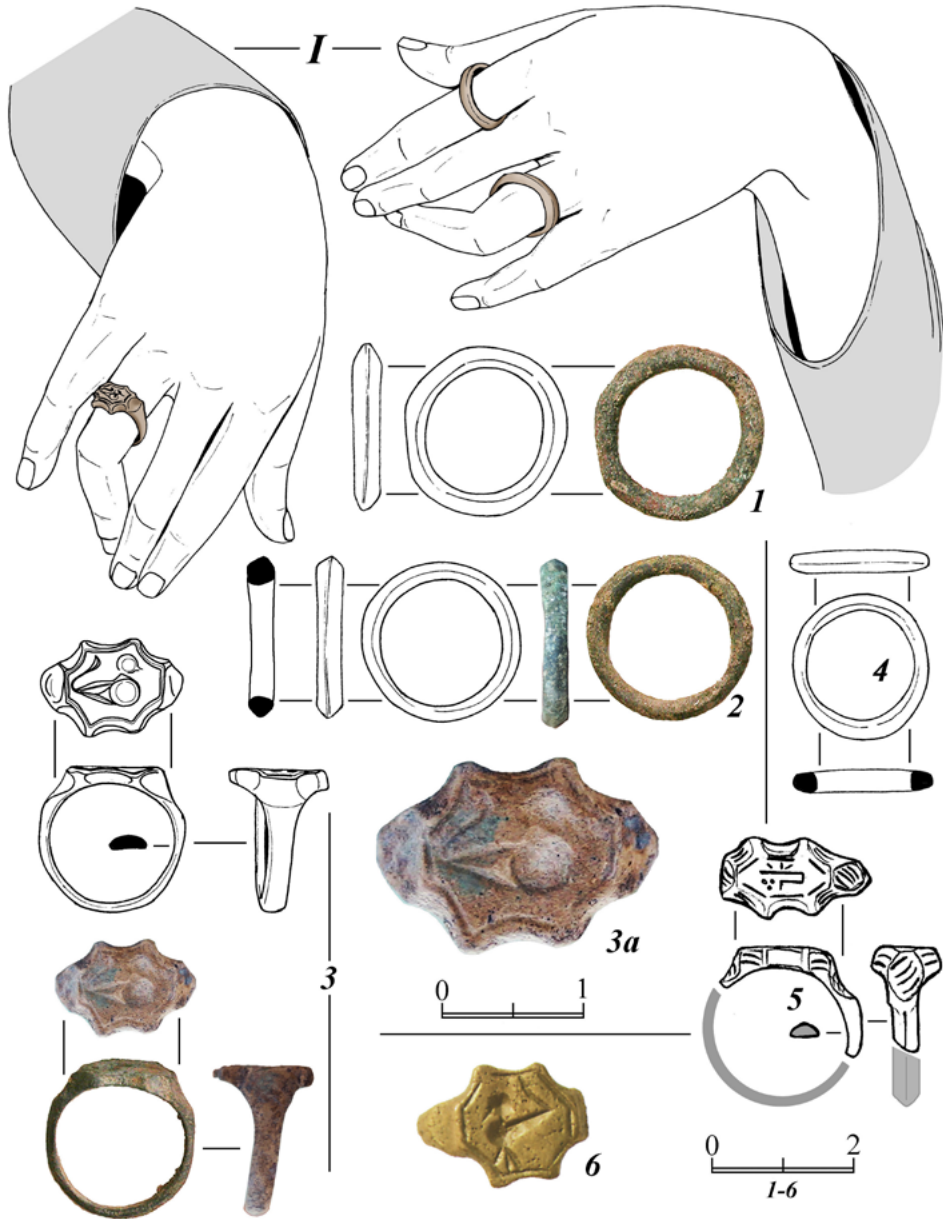

Рис. 1. Перстни и кольца XII–XIV вв. из раскопок города на плато Эски-Кермен. Рисунок автора
Fig. 1. The twelfth- and thirteenth-century finger-rings and signet-rings excavated at the town on the plateau of Eski-Kermen. Drawing: the author

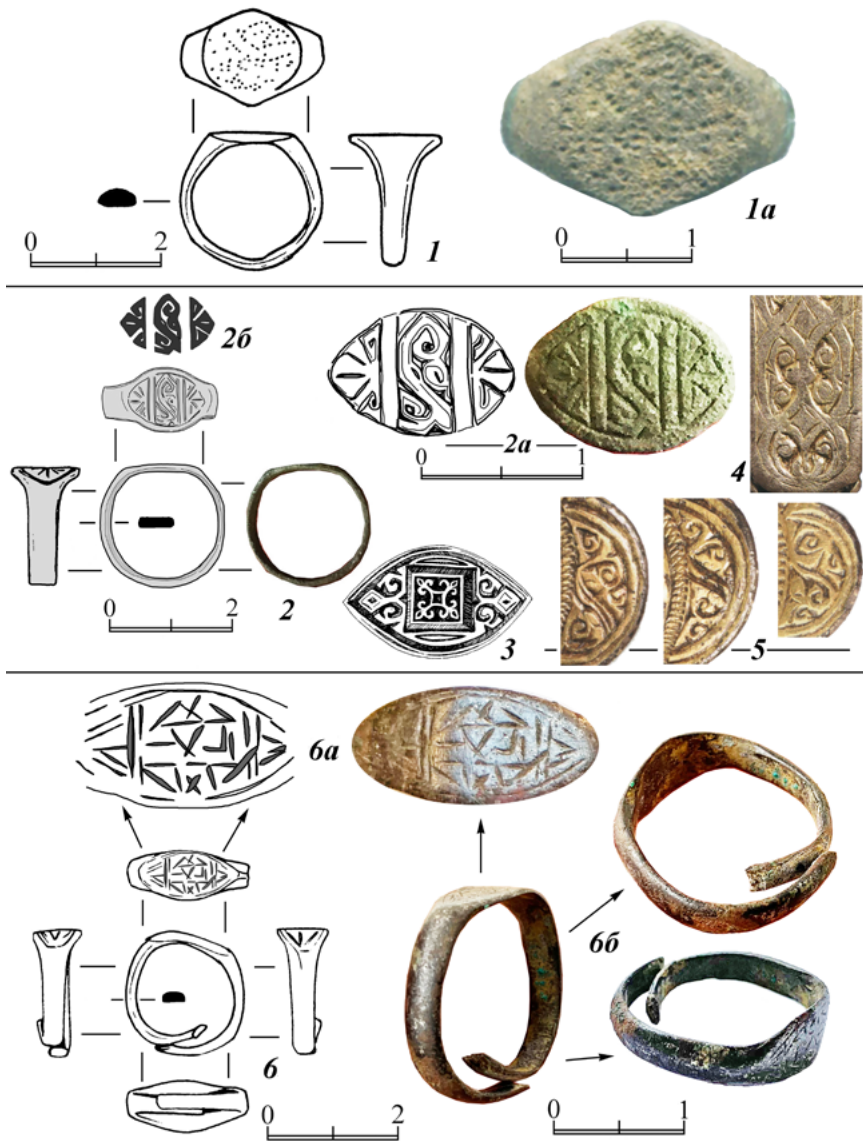
Рис. 2. Город на плато Эски-Кермен. Квартал II, притвор однефного храма. Женское погребение XII в. из могилы 12/2020. I – план погребения, II – фото костей левой руки *in situ*; III – реконструкция украшений рук погребенной; 1, 2 – бронзовые пластинчатые кольца. Фото и рисунок автора

Рис. 2. The town on the plateau of Eski-Kermen. Quarter II, narthex of an aisleless church. The twelfth-century woman's burial in grave 12/2020. I – ground plan of the burial, II – photo of the left hand bones *in situ*; III – reconstruction drawing of the ornaments on the hands of the buried lady; 1, 2 – bronze flattened finger-rings. Photo and drawing: the author

Рис. 3. Город на плато Эски-Кермен. Квартал I. Бронзовые кольца и перстни XII–XIII вв. из подвала 1 (1–3), из костницы часовни (4, 5) и аналогичная находка из Херсона (6); I – реконструкция украшений рук, найденных в подвале 1. 1–5, I – фото и рисунок автора; 6 – [по: 55, Cat. Nr. 214]

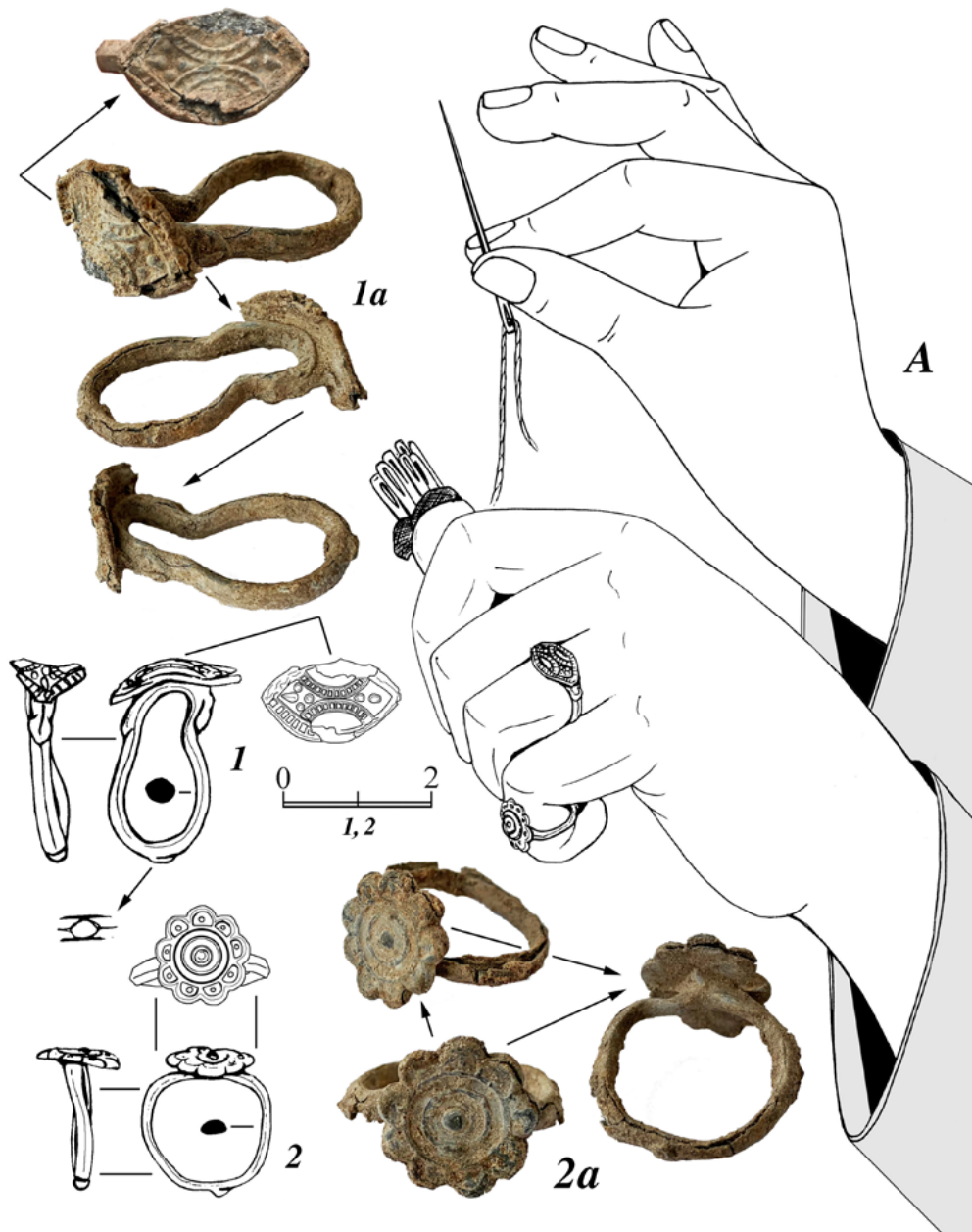
Fig. 3. The town on the plateau of Eski-Kermen. Quarter I. The twelfth- and thirteenth-century bronze finger-rings and signet-rings from subterranean room 1 (1–3), the grave for the secondary burial of bones in the chapel (4, 5), and an analogous find from Cherson (6); I – reconstruction drawing of the hand decorations discovered in subterranean room 1. 1–5, I – photo and drawing; the author; 6 – [after: 55, cat. no. 214]

Рис. 4. Город на плато Эски-Кермен. Цельнолитые перстни с плоским щитком XIII в. (1), XIV в. (2, 6) и аналогии декора (3–5). 1, 1а – квартал 1, вторая поперечная улица; 2, 2а-б – плитовая могила 1/2018; 3 – окрестности Солхата; 4, 5 – Мангуп, погребение 482 в центральном нефе большой базилики; 6, 6а-б – плитовая могила 9/2021. 1, 1а, 2, 2а-б, 6, 6а – фото и рисунок автора; 3 – [по: 17, ил. 4]; 4, 5 – [по: 15, кат. № 299]

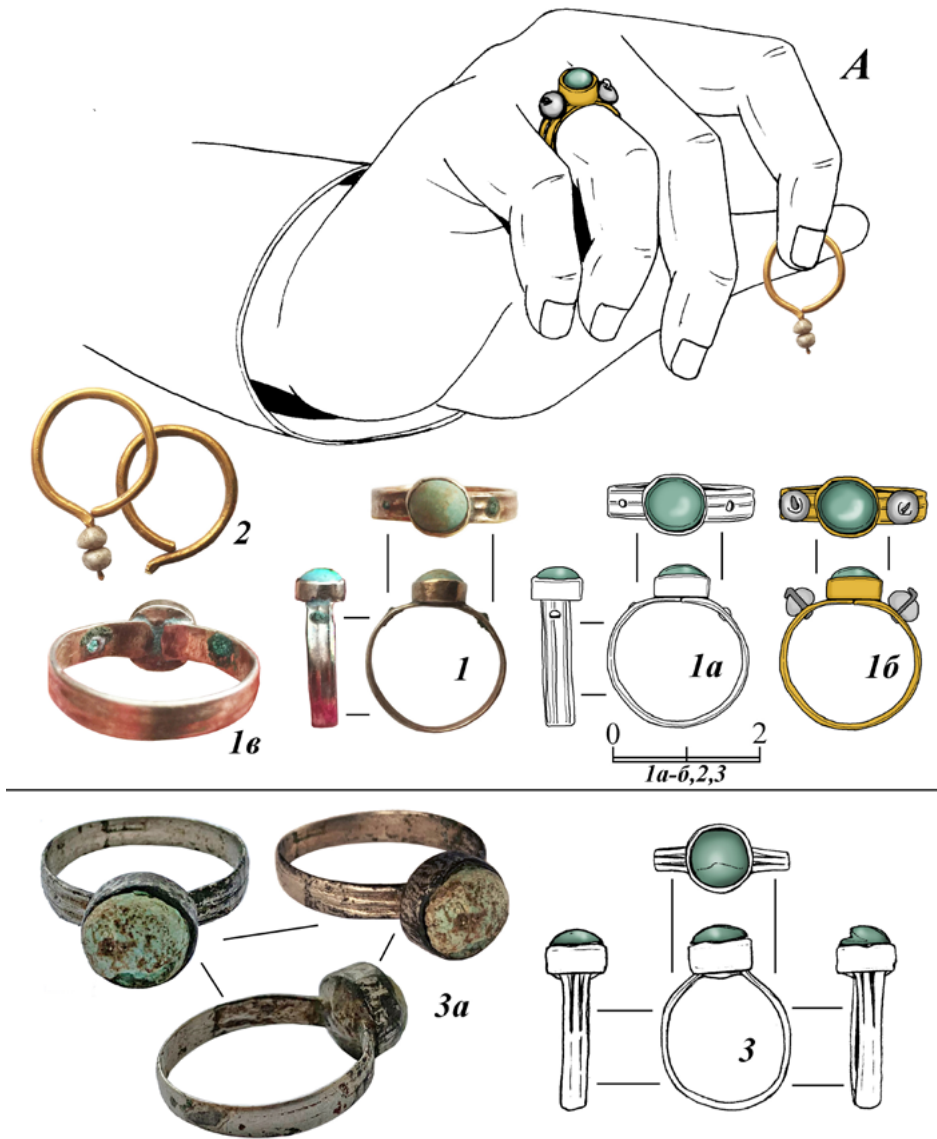
Fig. 4. The town on the plateau of Eski-Kermen. Solid-cast signet-rings with flat panel from the thirteenth century (1), fourteenth century (2, 6), and parallels to their decor (3–5). 1, 1а – quarter 1, second transverse street; 2, 2а-б – slabbed grave 1/2018; 3 – vicinity of Solkhat; 4, 5 – Mangup, burial 482 in the nave of the big basilica church; 6, 6а-б – slabbed grave 9/2021. 1, 1а, 2, 2а-б, 6, 6а – photo and drawing: the author; 3 – [after: 17, ill. 4]; 4, 5 – [after: 15, cat. no. 299]

Рис. 5. Город на плато Эски-Кермен. Некрополь XIV в. перед главной базиликой, плитовая могила 6/2020. 1, 1а, 2, 2а – свинцовые перстни; А – реконструкция украшений рук погребенной. Фото и рисунок автора.

Fig. 5. The town on the plateau of Eski-Kermen. The fourteenth-century cemetery in front of the main basilica church, slabbed grave 6/2020. 1, 1a, 2, 2a – lead signet-rings; A – reconstruction drawing of the ornaments on the hands of the buried lady. Photo and drawing: the author

Рис. 6. Город на плато Эски-Кермен. Некрополь XIV в. перед главной базиликой.

1, 1а-в, 2, А – плитовая могила 2/2020 (*1* – золотой перстень, фото; *1а* – рисунок; *1в* – реконструкция перстня с дополнительным украшением из бусин; *2* – золотые серьги; *А* – реконструкция правой руки с перстнем); *3, 3а* – серебряный перстень из плитовой могилы 8/2020. Фото и рисунок автора

Fig. 6. The town on the plateau of Eski-Kermen. The fourteenth-century cemetery in front of the main basilica church. *1, 1а-в, 2, А* – slabbed grave 2/2020 (*1* – gold signet-ring, photo; *1а* – drawing; *1в* – reconstruction drawing of the signet-ring with additional ornamentation of beads; *2* – gold earrings; *А* – reconstruction drawing of the right hand with the signet-ring); *3, 3а* – silver finger-ring from slabbed grave 8/2020. Photo and drawing: the author

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 121–133, 365–383.
2. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь, Керчь: АДЕФ-Украина, 2008. 336 с.
3. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 422–457.
4. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Квартальные храмы средневекового города на плато Эски-Кермен // АДСВ. 2020. Вып. 48. С. 310–326.
5. Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Некрополь XIV в. на плато Эски-Кермен // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIII Международный Византийский семинар / Ред. Н.А. Алексеенко. Симферополь: Ариал, 2021. С. 31–36.
6. Аракелян Б.Н. Армения в IX–XIII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 335–350.
7. Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М.: Наука, 1978. 312 с.
8. Баранов И.А. Раскопки на мысе Димитраки в 1982 г. // Сугдейский сборник. 2010. Вып. IV. С. 601–617.
9. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.) // Археологические памятники Юго-Западного Крыма. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 32–108. (МИА. № 34).
10. Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя // Археологические памятники Юго-Западного Крыма. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 419–429. (МИА. № 34).
11. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев: Наукова думка, 1993. 201 с.
12. Григоров В. Металлики от средневековья Болгария (VII–XI в.). София: Национален археологически институт с музей, 2007. 255 с.
13. Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
14. Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Запорожье: Запорожский гос. ун-т, 2001. 275 с.
15. Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки / Гос. Эрмитаж. М.: Фонд Марджани, 2019. 504 с.
16. Карачаров К.Г. Византийский кувшин из окрестностей Сургута // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург, Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 56–91.
17. Крамаровский М.Г. «...Рукою, полною перстней...» (находки второй половины XIII–XIV веков из Поднепровья и Крыма) // ТГЭ. 2013. Т. 69. Византия в контексте мировой культуры. С. 138–147.
18. Ливох Р. Большие курганы летописного Плеснеска // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной / Ред.-сост. А.А. Пескова, О.А. Щеглова, А.Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 486–492.
19. Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине X века. Симферополь: Институт археологии Крыма РАН, 2020. 312 с. (Серия «Археологические памятники Северного Причерноморья». Вып. 2).
20. Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
21. Маршак Б.И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
22. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.
23. Михайлик Л.П. Металлические перстни X – первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // СА. 2006. № 3. С. 52–62.

24. «Подарок созерцающим». Странствия Ибн Батуты: Каталог выставки / Ред. А.Д. Притула, А.Н. Теплякова, О.М. Ястребова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. 512 с.
25. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть 2. Екатеринбург, 1995. 110 с.
26. Руденко К.А. Булгарское серебро. Казань: Заман, 2015. 528 с.
27. Турова Н.П. Полевые и историко-архивные материалы «Симеизского склепа 1955 г.» в фондах Ялтинского историко-литературного музея // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 118–146.
28. Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006–2008 гг. // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 140–213.
29. Хайрединова Э.А. Медальоны с изображением святого всадника из могильника у с. Лучистое // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 147–210.
30. Хайрединова Э.А. Археологические раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. / Ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2021. С. 26–143. (Серия «Материалы Эски-Керменской экспедиции». Вып. 1).
31. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 364 с. (МИА. № 63).
32. Antipenko A.V., Khairedinova E.A., Mandrykina A.V., Loboda A.Yu., Tereschenkoc E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Medieval Objects in Gold and Its Imitation from Eski-Kermen // Nanotechnologies in Russia. 2020. Vol. 15, Nos. 9–10. P. 592–598.
33. Antonaras A. Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region: The Finds from Ippodromiou I Street and Other Excavations // New Research on Late Byzantine Goldsmiths' Works (13th–15th Centuries) / Ed. A. Bosselmann-Ruickbie. Mainz: Verlag des RGZM, 2019. P. 73–81.
34. Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. Bari, 1999. 283 p.
35. Banck A. L'art Byzantin dans les musée de l'Union Soviétique. Leningrad: Edition d'art Aurora, 1985. 342 p.
36. Berti F. Grave Goods from the Necropolis in the Agora of Iasos // Byzas. 2012. Vol. 15. P. 187–211.
37. Bosselmann-Ruickbie A. A 13th Century Jewellery Hoard from Thessalonica: A Genuine Hoard or an Art Dealer's Compilation? // Intelligible beauty: recent research on Byzantine jewellery / Eds. Ch. Entwistle, N. Adams. London: British Museum Press, 2010. P. 219–232.
38. Byzantinische Goldschmiedearbeiten im Römisch-Germanischen Zentralmuseum / Hrsg. M. Schulze-Dörrlamm. Mainz, 2020. 336 S. (Kataloge Vor- und Frühgeschichtlicher Altertümer. Bd. 42).
39. Byzantium: Faith and Power (1261–1557) / Ed. H.C. Evans. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2004. 658 p.
40. Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études / Eds. B. Bavant, V. Ivanišević. Rome: École française de Rome, Belgrade: Institut archéologique de Belgrade, 2019. 368 p.
41. Chavane M.-J. Salamine de Chypre VI. Les petits objets. Paris: de Boccard, 1975. 341 p.
42. Davidson G.R. Corinth. Vol. XII: The Minor Objects. Princeton, New Jersey: The American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.
43. Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe / Hrsg. L. Wamser. München: Theiss, 2004. 475 S.
44. Everyday Life in Byzantium / Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Kapon Editions, 2002. 600 p.
45. Feissel D. Notes d'épigraphie chrétienne (VII) // Bulletin de correspondance hellénique. 1984. Vol. 108. P. 545–579.
46. Garam É. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2001. 432 S. (Monumenta Avarorum Archaeologica, Vol. 5).
47. Hindman S. Rings of their fingers: Ring wearing from ancient times to the Renaissance // Magazine antiques. New York, 2007. Vol. 172 (6). P. 74–81.
48. Museum of Seljuk civilization. Catalog. Vol. 2 / Ed. S. Özgöncü. Kayseri: Büyükşehir Belediyesi, 2016. 319 p.

49. Nepper Ibolya M. Hajdú-Bihar Megye 10–11. századi sirleletei. Budapest, Debrecen: Déri Múzeum, Magyar Nemzeti Múzeum, 2002. 852 S.
50. Pülz A.M. Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas. Vien: Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020. 558 S.
51. Riemer E. Romanische Grabfunde des 5.–8. Jahrhunderts in Italien. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000. 485 p. (Internationale Archäologie. Vol. 57).
52. Ross M. Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington: Harvard University, 1965. Vol. II. 144 p.
53. Ross M.C., Downey G. An Emperor's Gift, and Notes on Byzantine Silver Jewelry of the Middle Period // The Journal of the Walters Art Gallery. 1956/1957. Vol. 19/20. P. 22–33.
54. Spieser J.-M. Collection Paul Canellopoulos (II). Bagues romaines et médiévales // Bulletin de correspondance hellénique. 1972. Vol. 96, I. P. 117–135.
55. The Legacy of Byzantine Cherson / Eds. T. Yashava, E. Denisova, N. Ginkut, V. Zaleskaya, D. Zhuravlev. Sevastopol: Telescope, Austin: ICA of the University of Texas at Austin, 2011. 708 p.
56. “The Remnants”. 12th and 13th centuries Byzantine objects in Turkey / Ed. A. Ödekan. Istanbul: Ofset Yapimevi, 2007. 303 p.
57. Unse S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien). München: C.H. Beck Verlag, 1992. 600 S. (Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 43).
58. Vikan G. Early Christian and Byzantine Rings in the Zucker Family Collection // The Journal of the Walters Art Gallery. 1987. Vol. 45. P. 32–43.
59. Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. 216 p.
60. Yavaş A. Kubad-Abad sarayı kazılarında bulunan ziyinet eşyaları (Jewellery found in excavations of Kubad-Abad palace) // International Journal of Social Science. 2013. Vol. 6. Issue 1. January. P. 1543–1566.
61. Zečević E. Jewelry from Novo Brdo. From the Archaeological Collection of the Late Middle Ages. Belgrad: Narodni muzej, 2006. 295 p.

REFERENCES

1. Aibabin A.I. Cemeteries of the 8th – the beginning of the 10th centuries in the Crimea. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1993, vol. 3, pp. 121–133, 365–383.
2. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. *Mogil'nik u sela Luchistoe. T. 1. Raskopki 1977, 1982–1984 gg.* [Cemetery near the village of Luchistoye. Tom 1. Excavations 1977, 1982–1984]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina Publ., 2008, 336 p.
3. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Late Medieval chapel on Eski-Kermen plateau. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2011, vol. 17, pp. 422–457.
4. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Quarter chapels of the medieval city on the Eski-Kermen plateau. *Antichnaia drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages], 2020, vol. 48, pp. 310–326.
5. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. The fourteenth-century cemetery at the plateau of Eski-Kermen. Alekseenko N.A. (ed.), *ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperia i polis. XIII Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar* [13th international Byzantine workshop “Chersonos Themata: the empire and the polis”], Simferopol, Arial Publ., 2021, pp. 31–36.
6. Arakelian B.N. Armenia in the 9th–13th centuries. Makarova T.I., Pletneva S.A. (eds.), *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka* [Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 335–350.
7. Bank A.V. *Prikladnoe iskusstvo Vizantii IX–XII vv. Ocherki* [Applied art of Byzantium in the 9th–12th centuries. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 312 p.

8. Baranov I.A. Excavations at Cape Dimitraki in 1982. *Sugdeiskii sbornik* [Sugdeya collection], 2010, vol. 4, pp. 601–617.
9. Belov G.D., Strzheletskii S.F. Quarters XV and XVI (Excavations 1937). *Arkheologicheskie pamiatniki Iugo-Zapadnogo Kryma* [Archaeological sites of Southwest Crimea], Moscow, Leningrad, Akadimiia nauk SSSR Publ., 1953, pp. 32–108.
10. Veimarn E.V. Reconnaissance of defensive walls and necropolis. *Arkheologicheskie pamiatniki Iugo-Zapadnogo Kryma* [Archaeological sites of Southwest Crimea], Moscow, Leningrad, Akadimiia nauk SSSR Publ., 1953, pp. 419–429.
11. Veimarn E.V., Aibabin A.I. *Skalistsinskii mogil'nik* [Skalistsinsky burial ground]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 201 p.
12. Grigorov V. *Metalni nakiti ot srednevekovna B'lgariia (VII–XI v.)* [Metal jewellery from medieval Bulgaria 7th–11th centuries]. Sofia, Natsionalen arkheologicheski institut s muzei Publ., 2007, 255 p.
13. Darkevich V.P. *Svetskoe iskusstvo Vizantii. Proizvedeniia vizantiiskogo khudozhestvennogo remesla v Vostochnoi Evrope X–XIII veka* [Secular art of Byzantium. Works of Byzantine art craft in Eastern Europe X - XIII centuries]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975, 350 p.
14. El'nikov M.V. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniu 1989–1992 gg.)* [Medieval burial ground Mamai-Surka (based on research materials 1989–1992)]. Zaporozh'e, ZGU Publ., 2001, 275 p.
15. *Zolotaia Orda i Prichernomor'e. Uroki Chingisidskoi imperii: katalog vystavki* [The Golden Horde and the Black Sea region. Lessons of the Genghisid Empire]. Moscow, Fond Mardzhani Publ., 2019, 504 p.
16. Karacharov K.G. Byzantine jug from the vicinity of Surgut. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia* [Barsova Gora: antiquities of the taiga Ob region], Ekaterinburg, Surgut, Ural'skoe izdatel'stvo Publ., 2008, pp. 56–91.
17. Kramarovskii M.G. “...With a hand filled rings...” (Finds of the second half of the 13th–14th centuries from the Lower Dnieper region and Crimea. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* [Transactions of the State Hermitage], 2013, vol. 69, pp. 138–147.
18. Livokh R. Large burial mounds of the annalistic Plesnesk. Peskova A.A., Shcheglova O.A., Musin A.E. (eds.), *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi* [Slavic and Old Russian Art of Jewellery and its roots. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of Galia Korzukhina's birth], St.-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2010, pp. 486–492.
19. Maiko V.V. *Sugdeia vo vtoroi polovine VII – pervoi polovine X veka* [Sugdeya in the second half of the 7th – first half of the 10th century]. Simferopol, Institute of archaeology of Crimea RAS Publ., 2020, 312 p.
20. Makarova T.I. Archaeological excavations in Kerch near John the Baptist Church. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 1998, vol. 6, pp. 344–393.
21. Marshak B.I. *Istoriia vostochnoi torevniki III–XIII vv. i problemy kul'turnoi preemstvennosti* [History of oriental toretics of the 3rd–13th centuries and problems of cultural continuity]. St.-Petersburg, Akademiia issledovaniia kul'tury Publ., 2017, 736 p.
22. Minasian R.S. *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [Metalworking in antiquity and the middle ages]. St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2014, 472 p.
23. Mikhailik L.P. Metal rings of the 10th – first half of the 13th century from Kiev (chronology, typology). *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 2006, no. 3, pp. 52–62.
24. Pritula A.D., Tepliakova A.N., Iastrebova O.M. (eds.), “*Podarok sozertsaiushchim*”. *Stranstviia Ibn Batuty: Katalog vystavki* [“A Gift to Contemplators” Ibn Battuta's Travels: Exhibition Catalogue]. St.-Petersburg, State Hermitage Publ., 2015, 512 p.
25. Romanchuk A.I., Sazanov A.V., Sedikova L.V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona. Srednevekovyi Kherson. Istoriia, stratigrafiia, nakhodki. Chast' 2* [Amphorae from the complexes of Byzantine Cherson. Medieval Cherson. History, stratigraphy, finds. Part 2]. Ekaterinburg, 1995, 110 p.
26. Rudenko K.A. *Bulgarskoe serebro* [Bulgar silver]. Kazan, Zaman Publ., 2015, 528 p.

27. Turova N.P. Field and historic-archival materials of “Simeiz vault of 1955” in the funds of Yalta History-Literature Museum. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 118–146.
28. Khairedinova E.A. Excavations of necropolis on the slope of Eski-Kermen plateau in 2006–2008. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2010, vol. 16, pp. 140–213.
29. Khairedinova E.A. Medallions with the image of Holy Rider from the necropolis near the village of Luchistoye. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in archaeology, history and ethnography of Tauria], 2014, vol. 19, pp. 147–210.
30. Khairedinova E.A. Archaeological excavations of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020. Aibabin A.I., Khairedinova E.A. (eds.), *Itogi arkheologicheskikh issledovaniy tsentral'noi chasti goroda na plato Eski-Kermen v 2018–2020 gg.* [Results of archaeological research of the central part of the city on the Eski-Kermen plateau in 2018–2020], Simferopol, Antikva Publ., 2021, pp. 26–143
31. Iakobson A.L. *Rannesrednekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury* [Early medieval Chersonese. Essays on the history of material culture]. Moscow, Leningrad, Akadimiia nauk SSSR Publ., 1959, 364 p.
32. Antipenko A.V., Khairedinova E.A., Mandrykina A.V., Loboda A.Yu., Tereschenkoc E.Yu., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Medieval Objects in Gold and Its Imitation from Eski-Kermen. *Nanotechnologies in Russia*, 2020, vol. 15, nos. 9–10, pp. 592–598.
33. Antonaras A. Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region: The Finds from Ippodromiou I Street and Other Excavations. Bosselmann-Ruickbie A. (ed.), *New Research on Late Byzantine Goldsmiths' Works (13th–15th Centuries)*, Mainz, Verlag des RGZM, 2019, pp. 73–81.
34. Baldini-Lippolis I. *L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo*. Bari, 1999, 283 p.
35. Banck A. *L'art Byzantin dans les musée de l'Union Soviétique*. Leningrad, Edition d'art Aurora, 1985, 342 p.
36. Berti F. Grave Goods from the Necropolis in the Agora of Iasos. *Byzas*, 2012, vol. 15, pp. 187–211.
37. Bosselmann-Ruickbie A. A 13th Century Jewellery Hoard from Thessalonica: A Genuine Hoard or an Art Dealer's Compilation? Entwistle Ch., Adams N. (eds.), *Intelligible beauty: recent research on Byzantine jewellery*, London, British Museum Press, 2010, pp. 219–232.
38. Schulze-Dörrlamm M. (Hrsg.), *Byzantinische Goldschmiedearbeiten im Römisch-Germanischen Zentralmuseum*. Mainz, 2020, 336 p.
39. Evans H.C. (ed.), *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)*. New York, The Metropolitan Museum of Art Publ., 2004, 658 p.
40. Bavant B., Ivanišević V. (eds.), *Caričin Grad IV. Catalogue des objets des fouilles anciennes et autres études*. Rome, École française de Rome, Belgrade, Institut archéologique de Belgrade, 2019, 368 p.
41. Chavane M.-J. *Salamine de Chypre VI. Les petits objets*. Paris, de Boccard Publ., 1975, 341 p.
42. Davidson G.R. *Corinth. Vol. XII: The Minor Objects*. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1952, 366 p.
43. Wamser L. (Hrsg.), *Die Welt von Byzanz. Europas Östliches Erbe*. Munchen, Theiss Publ., 2004, 475 p.
44. Papanikola-Bakirtzi D. (ed.), *Everyday Life in Byzantium*. Athens, Kapon Editions, 2002, 600 p.
45. Feissel D. Notes d'épigraphie chrétienne (VII). *Bulletin de correspondance hellénique*, 1984, vol. 108, pp. 545–579.
46. Garam È. *Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum End des 7. Jahrhunderts*. Budapest, Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2001, 432 p.
47. Hindman S. Rings of their fingers: Ring wearing from ancient times to the Renaissance. *Magazine antiques*, New York, 2007, vol. 172 (6), pp. 74–81.
48. Özgöncü S. (ed.), *Museum of Seljuk civilization. Catalog. Vol. 2*. Kayseri, Büyükşehir Belediyesi, 2016, 319 p.
49. Nepper Ibolya M. *Hajdú-Bihar Megye 10–11. századi sirleletei*. Budapest, Debrecen, Déri Múzeum Publ., Magyar Nemzeti Múzeum Publ., 2002, 852 p.

50. Pülz A.M. *Byzantinische Kleinfunde aus Ephesos. Ausgewählte Artefakte aus Metall, Bein und Glas*. Wien, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2020, 558 p.
51. Riemer E. *Romanische Grabfunde des 5.–8. Jahrhunderts in Italien*. Rahden/Westf., Verlag Marie Leidorf GmbH, 2000., 485 p.
52. Ross M. *Catalogue of the Byzantine and early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Vol. II. Washington, Harvard University Press, 1965, 144 p.
53. Ross M.C., Downey G. An Emperor's Gift, and Notes on Byzantine Silver Jewelry of the Middle Period. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 1956/1957, vol. 19/20, pp. 22–33.
54. Spieser J.-M. Collection Paul Canellopoulos (II). Bagues romaines et médiévales. *Bulletin de correspondance hellénique*, 1972, vol. 96,1, pp. 117–135.
55. Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. (eds.), *The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Telescope Publ., Austin, ICA of the University of Texas at Austin, 2011, 708 p.
56. Ödekan A. (ed.), *"The Remnants". 12th and 13th centuries Byzantine objects in Turkey*. Istanbul, Ofset Yapimevi, 2007, 303 p.
57. Uense S. *Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien)*. München, C.H. Beck Verlag, 1992, 600 p.
58. Vikan G. Early Christian and Byzantine Rings in the Zucker Family Collection. *The Journal of the Walters Art Gallery*, 1987, vol. 45, pp. 32–43.
59. Waldbaum J.C. *Metalwork from Sardis*. Cambridge, Harvard University Press, 1983, 216 p.
60. Yavaş A. Kubad-Abad sarayı kazılarında bulunan ziyet eşyaları (Jewellery found in excavations of Kubad-Abad palace). *International Journal of Social Science*, 2013, vol. 6, issue 1, pp. 1543–1566.
61. Zečević E. *Jewelry from Novo Brdo. From the Archaeological Collection of the Late Middle Ages*. Belgrad, Narodni muzei Publ., 2006, 295 p.

Информация об авторе

Хайрединова Э. А. – кандидат исторических наук, заведующая Отделом средневековой археологии Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: Y-5905-2019.

Author information

Khairedinova E. A. – Candidate of Science (History), Head of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: Y-5905-2019.